

A black and white close-up portrait of Stanislav Belkovsky. He is wearing thick-rimmed glasses and has a beard and mustache. He is smiling slightly, showing his teeth. The background is dark and out of focus.

СТАНИСЛАВ БЕЛКОВСКИЙ

апология
Владимира Путина

легко ли быть царём?

Станислав Александрович Белковский Апология Владимира Путина. Легко ли быть царем? Серия «Политические тайны XXI века»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6055869

*Апология Владимира Путина : Легко ли быть царем? / Станислав
Белковский. : Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0411-8*

Аннотация

Станислав Александрович Белковский – российский политолог, директор Института национальной стратегии, писатель и журналист, обозреватель газет «Московский комсомолец», «Аргументы и факты» и ряда других популярных изданий. Книги Белковского неизменно пользуются большим спросом, читателям известны его произведения «Бизнес Владимира Путина», «Империя Владимира Путина», «Сущность режима Путина» и другие. В книгу, представленную вашему вниманию, вошли лучшие работы Станислава Белковского, посвященные путинской эпохе. Это глубокое, точное и, как всегда у Белковского, ироничное исследование всего периода правления Владимира Путина. В книге отражены ключевые моменты политики, экономики, культуры, социальных отношений в России

за последние двенадцать лет – в связи с этим название «Апология
Путина» («оправдание») приобретает особый смысл.

Содержание

Власть Владимира Путина	5
Портрет его врага, или Новый Карфаген	5
Одиночество Путина	14
Преодоление одиночества	17
Горизонталь власти	25
Специальная теория Путина	28
Апология Владимира Путина	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Станислав Александрович Белковский Апология Владимира Путина: Легко ли быть царем?

Власть Владимира Путина

Портрет его врага, или Новый Карфаген

Что такое элита девяностых? Существует ли она в принципе?

Да, конечно, существует. Элита девяностых сформировалась в угаре советского строя, в период позднего Горбачева. В те времена, когда слова «Империя», «Родина», «нация», «патриотизм», «государственность» стали почти неприличными. Или же до неприличия смешными. Следует признать: горбачевское поколение советских лидеров, приравнявшее корейский видеоманитофон к гербу сверхдержавы, для дис-

кредитации всех этих понятий сделало немало. Как говорил герой Василия Аксенова («Новый сладостный стиль»), позднесоветские партийно-правительственные лица готовы были недорого продать абсолютно все, кроме разве что мумии Ленина, – вот ее толкнуть по дешевке могли только руководители тогдашнего ВЛКСМ.

Но элита 90-х не стала бы цельным сплоченным классом, если бы не один престарелый, пьющий, не очень здоровый человек. Имя ему – Борис Ельцин.

Этот выдающийся (как бы к нему ни относиться) политик и борец за власть прекрасно понимал: если у руля останутся первые секретари обкомов и советские министры – революционный режим Ельцина будет задушен в объятиях через несколько месяцев, может быть, через пару лет. Замена правительства Силаева на «кабинет младореформаторов» осенью 1991-го была предельно важным для политического выживания Ельцина, поистине системообразующим шагом. Первый президент поставил на ключевые посты Бурбулиса, Гайдара и Чубайса вовсе не потому, что хорошо их знал или выпил с ними много водки. Не изучив хитросплетений всемирной истории, опираясь лишь на звериную интуицию, Ельцин постиг простую, как пареная репа, истину: только отдав управление страной качественно новым людям, он может застраховать себя, свою власть. Только сменив элиты, бескровно, но резко и решительно, он может удержаться во главе большого обломка СССР, вспомнившего поневоле ста-

ринное фирменное наименование – Россия. Так в одночасье родилась эта элита. Со временем Ельцин отдал ей крупную собственность и средства массовой информации. Правда, новая элита по меньшей мере дважды была готова сдать благодетеля Ельцина: в 1996-м, когда активно шли переговоры с Зюгановым (хоть ГУЛАГ возрождай, только крупную собственность не трогай), и в 1999-м, когда в неозюгановской роли выступал уже мощный старик Е. М. Примаков. Но сами принципы этой элиты оставались незыблемы. У нее появилась своя философия, свое системное мирозерцание, своя, если хотите, религия.

В центре этой религии – деньги. Они всемогущи, они – божество. Деньги главнее жизни и смерти. Они, а не любовь, отныне движут Солнце и светила. То, что нельзя купить за деньги, можно купить за очень большие деньги. Не случайно главные фигуры этой элиты – богатые и очень богатые люди. Олигархи. Жрецы современного культа денег. Они – святы и неприкосновенны. Ибо богатство в такой религиозной системе – источник и знак святости. Религия денег рождает своих апостолов, своих мучеников, своих блаженных.

Деньги для элиты девяностых – еще и единственный источник любой и всяческой легитимности. Все оплаченное – разумно. То, за что заплачено, всегда может быть оправдано. То же, за что не платят, есть порождение чьего-то болезненного сознания, полное безобразие и профанация. Когда олигарх свергает президента, это нормально, ибо олигарх

деньгоизбран. Когда президент атакует олигарха, это ужасно и преступно, ибо президент в своей борьбе не действует именем денег, а значит, в отличие от своего оппонента, не сакрален. Один из менеджеров ЮКОСа на полном серьезе уверял меня, что Михаил Ходорковский имел право убить своего бизнес-оппонента Евгения Рыбина («Томскнефть»), потому что Рыбин был презренным «красным директором» (сиречь порождением ехидниным), Ходорковский же, напротив, – эффективный менеджер (т. е. особого сорта существо, вдохновленное божеством и посвященное в глубокие, пленительные тайны мироздания). Жаль только, что не добились этого Рыбина, вот что добавил человек из ЮКОСа. А когда появился приснопамятный доклад Совета по национальной стратегии «Государство и олигархия», некоторые эксперты, открыто работающие на крупные корпорации (и нимало того не стесняющиеся), усиленно наводили тень на плетень по поводу «ангажированности» доклада, простоудушно объясняя почтенной публике: поймите, за бесплатно такие вещи не делаются! Что ж, не стреляйте в этих экспертов – они действительно так думают. Они всерьез поклоняются огнедышащему пожирателю младенцев, и их, ленивых пасынков советского разложения, уже не исправишь. Они не понимают, что у кого-то бывают взгляды и приоритеты, отличные от их собственных. Они и Достоевскому бы сказали, что «Братья Карамазовы» – роман заказной. Ибо где не сверкнули деньги, там нет и не может быть ничего существенного, правильного

и основательного.

Деньги же (во всяком случае, свободно конвертируемые у. е.) не имеют отечества. Поэтому не имеет его и элита 90-х годов. Идеальная модель государства для этой элиты – конфедерация Центрального административного округа города Москвы, Одинцовского района Московской области и Лазурного берега, входящего пока что в состав Французской Республики. Остальную Россию с ее дурно пахнущим населением – сбросить в море, как царь Ассаргадон – непокорные финикийские города. «Национальная ответственность», «социальная ответственность» для них – в лучшем случае лукавые PR-штампы. В худшем – навязываемое богатым протivoестественное желание обеднеть, как сообщил намеренно один уважаемый бизнес-журнал. Верные адепты Денег всегда радуются, когда со страной Россией случается что-то неладное: от захвата заложников в ДК подшипникового завода до провала сценария приднестровского урегулирования. Ибо чем меньше остается страны с ее заскорузлыми архаичными заморочками, тем больше становится Молоха, всепоглощающего и безраздельного.

Элита девяностых сегодня премоного говорит о свободе и демократии. И яростно мусолит какую-то очередную резолюцию полубезумных геронтократов из Конгресса/ Сената США, осуждающую Путина за «отступление от демократической линии». На самом же деле нет для этой элиты ничего ужаснее демократии. Потому что если б у народа России был

настоящий выбор, к власти в стране пришли бы носители совсем других ценностей, других идеологий. Элита, правда, о своей сохранности своевременно позаботилась, и давно скупилась верхушку «системной оппозиции», а также наплодила политических фантомов, выдающих себя за оппозицию. Но при чем же здесь демократия?! Это компьютерная игра под названием «Политическая экзистенция», а никакая не демократия (по В. И. Далю – народное правление, народодержавие, мироуправство).

Свобода? Эта элита признает одну свободу – свободу купить все что угодно за деньги. Свободу денег, а не свободу личности. Ты имеешь право говорить, если твое выступление согласовано с держателями денег и/или мотивировано деньгами. Если же нет – ты прямой враг, которого надо на первой стадии заблокировать, а на второй – замочить. Если кто-то выступает против олигарха – это ужасно и преступно. Иными словами, если ты не по части денег, забудь про права – они не для тебя. Деньги не допустят, чтобы ты открыто вещал, перемещался, молился своим (отличным от нео-Молоха) богам. Да и вообще, убеждения у всех должны быть одинаковые, только пиар разный: если ты врешь про счастье трудящихся, будем считать тебя коммунистом, а если про малый бизнес – союзником правых сил. В крайнем случае легким мановением руки переместим тебя с одного политического фланга на прямо противоположный, ничего ведь существенно не изменится. Воистину, нет ни левых, ни правых

перед властью денег, есть лишь покорные рабы их. Классические одномерные люди (Г. Маркузе), статус и потребности которых определяются только одним параметром – степенью удаления от трансцендентного источника всемилостивейшего бабла.

Их свобода не имеет ничего общего ни с «цивилизованными западными» представлениями, ни с нашей пушкинской свободой, священной и тайной. Олигархическая теория свободы так или иначе восходит к культовому чукотскому анекдоту (все во имя человека, все для блага человека, и человека этого я видел) – освобождение небольшой группы людей от всех форм известной созданием Божиим ответственности при полном закрепощении 99.9 % народа, который свободы, конечно же, не достоин. Оазис сладостной вседозволенности в идеальном концлагере.

Основой своей публичной философии элита девяностых объявила прагматизм. Поскольку этот класс живет в кислотной реальности Матрицы и культивирует постмодернистский принцип «называть все вещи чужими именами», то и прагматизм у них есть нечто совсем иное. Этот их «прагматизм» 80 лет назад блестяще охарактеризовал Г.-К. Честертон («Вечный человек»):

«Почему прагматичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? Что умен тот, кто жесток, и даже дурак лучше умного, если он достаточно подл? Почему им кажется, что честь – это чувствительность, а чувствительность – это сла-

бость? Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой. Для них, как и для всех, в основе основ лежит их собственное представление о природе вещей, о природе мира, в котором они живут; они считают, что миром движет страх и потому сердце мира – зло. Они верят, что смерть сильнее жизни и потому мертвое сильнее живого. Вас удивит, если я скажу, что люди, которых мы встречаем на приемах и за чайным столом, – тайные почитатели Молоха и Вала. Но именно эти умные, прагматичные люди видят мир так, как видел его Карфаген».

Наконец, элита 90-х годов – это антиинтеллигенция. Русская интеллигенция, трижды проклятая и четырежды прославленная, бремя и знак отличия русской нации, на протяжении двух столетий пыталась установить связь между элитой и отчужденным, глухим, дремучим народом. Profession de foi русской интеллигенции сформулировал, как известно, великий путешественник Радищев: я взглянул окрест себя, и душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Худо ли, бедно ли, – в XX веке именно эта интеллигенция устроила две революции – февральскую 1917-го и августовскую 1991-го. Но поле битвы после победы никогда организаторам революций не принадлежало. В начале XX века к власти пришел профессиональный юрист, возвестивший миру, что интеллигенция не мозг нации, а говно. В конце века власть в крупнейшем субъекте бывшего СССР захватили олигархические мародеры, полностью, по сути, разделяющие ленин-

ские представления об интеллигенции. Страшно далеки эти мародеры от народа – но это уже не беда их, а сознательная позиция, центральное правило жизни. В гробу они видали страдания человечества, даже близлежащего его сегмента. Центральный комитет русской интеллигенции, поддерживавший распад СССР, уже в первой половине девяностых объявил о самороспуске, ибо никаких Радищевых не может быть в стране с победившим культом Молоха. Как-то недавно выступал я на лучшей в России (говорю без малейшей иронии) радиостанции и начал лепетать что-то про трагические аварии на шахтах в Ростовской области. И тогда ведущий, кстати, один из кумиров моей юности, вальяжно прервал меня: ну, ты бы еще про взрывы на Солнце вспомнил! Умри, мой кумир, лучше не скажешь! В этой немудреной метафоре – вся идеология девяностых годов. Россия – это где-то там, на Солнце, где нас нет и не будет. Во всяком случае, в этой жизни. Мы – это «Мерседес», японский ресторан и абсент-парти в бутике Gucci.

Шахты могут взрываться, поезда – сходить с рельсов, учителя и врачи – голодать, крестьяне – подыхать, но наш строй не меняется, и хвала всемогущим деньгам, которые хранят нас на таком сияющем, на таком правильном и ровном, как кремлевский дворцовый паркет, пути нашей жизни!

2001 г.

Одиночество Путина

Сегодня в либеральных кругах принято намекать на скорую спасительную революцию. И даже – кто бы мог подумать! – сострадать несчастному русскому народу, втравленному кремлевской клептократией в монетизацию льгот и прочие социальные безобразия.

Кто бы сомневался, что отмена льгот, а значит, отцовских и материнских обязанностей государства, испортила отношения народа и власти, как ничто другое.

Удивительно только, что сокрушаются по этому поводу наши официальные либералы 90-х годов.

Ведь каких-нибудь 5 лет назад они говорили, что народ – грязное бессловесное быдло, которое лежит гнилым бревном на столбовой дороге капиталистической реформации. Что нужно сбросить это бревно в канаву, чтобы люди царственные, красивые и успешные могли пронестись на шестисотых бричках к вершинам открытой, как весеннее окно, экономики. И если думать об этих позорных алкашах и их бесформенных женах – либерализм в России никогда не построишь.

Отчего же теперь свободолюбцы зовут на помощь гниущее быдло? Ответ прост. Путин им очень не нравится. Чтобы свалить Путина, хороши любые пути.

И если можно поднять народ на бунт – значит, пора под-

нимать. А потом, когда Путина сменит очередной Чубайс, расширенный и дополненный, можно уже оправдать любую «монетизацию» и указать доверчивому народу его место в мясном отделе либерального супермаркета. Быдло – оно и есть быдло.

Но я все же рискну предупредить революционеров новейшей формации: если огромный криворотый мятеж начнется, первыми будут громить либерал-капиталистические офисы и особняки, а совсем не тайное укровище венценосного Путина. От русской революции пострадают сначала те, кто ее на свою голову призывает.

Так было всегда. Так случится и в будущем. Поэтому не надо торопить революцию. Она никому не поможет.

Я, может, и сам не люблю привязчивого старика Путина, изъеденного удвоением ВВП и прочими технократическими червями. Но все же – нет для России бедствия страшнее, чем исчезновение царя.

И очень хорошо, что после череды терактов царь все-таки не исчез. А даже появился в национальном цветном телевизоре в субботу, в шесть часов вечера, после войны.

И – наконец-то произнес обращение к нации. Искреннее и яркое. Сказал то, чего от него давно ждали. Нужна мобилизация нации. Нужно покаяться в собственной слабости и попытаться стать сильными. Должно признать, что мы бездарно профукали сверхдержаву – Советский Союз.

Путин сожалеет о Советском Союзе. Правда, его адми-

нистрация, укомплектованная поддержанными бюрократами ельцинского замеса, – нисколько. «Государство, которое, к сожалению, оказалось нежизнеспособным в условиях быстро меняющегося мира» – так говорил Путин с телеэкрана живьем. Но в печатной версии обращения словосочетание «к сожалению» так и не появилось. Его вычеркнули. Вычеркнули те, кто считает, что президент РФ есть лишь фантом их переполненного интеллектуальными прелестями накокаиненного сознания.

Но это терпкое «к сожалению» слышали почти все. Слышали и другое. Про солидарность. Про единство страны. И про восстановление сильных спецслужб. И почти все задались вопросом: что же теперь будет? И почему случилась трагедия, заставившая Путина произнести самое сильное и честное слово за все время его правления?..

2003 г.

Преодоление одиночества

Борьба с одиночеством – главное занятие затерянного в безразмерных снегах русского человека. Наш человек и пьет, собственно, чтобы в данном ему гигантском пространстве избежать одиночества.

И мучительная схватка Путина с его президентским одиночеством – это, я вам скажу, reality show, перед которым меркнет любое суперрейтинговое «За стеклом»!

Спасти Путина может только новая элита. Элита первой трети нового тысячелетия. Ее протоструктура уже существует. Но без внешнего импульса в виде явленной властной воли протоэлитарные структуры никогда не станут собственно элитой. Здесь роль президента исключительно велика, больше того – эксклюзивна.

Для кристаллизации же элиты нужны идеи. Простые, как все великое. Идей таких наберется не более двух.

Во-первых, идея нации. Одна из ключевых проблем современной России состоит в следующем: после распада СССР мы не прошли стадию национальной самоидентификации, оставшись лишь большей частью погибшей общности – советского народа. А в такой ситуации никакое поступательное национальное развитие невозможно, ибо отсутствует субъект развития. Чем кончается подобная бессубъектность, мы видим на примере некоторых стран бывшего

СССР, скажем, Молдавии, которая через несколько лет так или иначе окажется румынской провинцией. К слову сказать, критикуемый ныне за авторитаризм казахстанский правитель Назарбаев сразу понял, чем ему грозит отсутствие нации. Потому и столицу на север перенес, и имя Л. Н. Гумилева университету в новой столице присвоил, и Чингисхана казахом объявил. Ибо несть нации без героев, без истории ярких побед и великих завоеваний.

Что есть нация? Определений – сотни. Приведу лишь два, которые кажутся мне наиболее точными и емкими.

Отто Бауэр, австрийский социал-демократ начала XX века, один из идеологов II Интернационала: «Нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы».

Теодор Герцль, идеолог сионизма: «Нация – это группа людей общего исторического прошлого и общепризнанной принадлежности в настоящем, сплоченная из-за существования общего врага».

У элиты девяностых и остального народа нет ни общей судьбы, ни единого – национального – интереса. Все, что хорошо для чукотско-лондонского олигарха Абрамовича, плохо для слесаря Пупкина из Верхнего Старгорода, и наоборот. Нет у них и общего врага. Для олигархов и иже с ними враг – российский народ-иждивенец (а также обалдевшая от внезапной независимости Генпрокуратура). Для русского народа враг – олигархи и, по традиции, США. (Впрочем, воз-

можно, место Соединенных Штатов вскорости займет братский Китай). Характерный пример отчуждения: олигарх никогда добровольно не поделится с народом природной рентой, ибо искренне не понимает, как такое возможно: поступиться своим материальным интересом ради относительно благополучия 145 миллионов бессловесных люмпенов, заслуживающих разве что смерти. Какая уж тут нация!

В то же время, народ алчет единой судьбы – об этом говорят социологические исследования. Дорогие (и недорогие) россияне живут ожиданием национального проекта, в горниле которого и найдет оформление русская нация. А чтобы приступить к национальному строительству, нужно все то же – национально ориентированная элита. Которая, в отличие от элиты девяностых, не хохочет в голос и не кривится мерзостно при упоминании «нерыночного» национального интереса.

Депрессия, в которой погряз народ наш, великий и ужасный, может быть преодолена только на путях реализации проекта, возвращающего в русскую жизнь позитивное целеполагание, а значит, заветный смысл...

Во-вторых – идея государства. Что бывает без государства, когда все управляется скрещеньями и переплетеньями невидимых рук, – демонстрирует нам Грузия.

В России же государство, подаренное Византией, всегда было залогом оформления и укрощения необъятной, недисциплинированной души нашей. А значит, больше чем аппа-

ратом насилия – мудрым отцом, суровым старшим братом, всепонимающей матерью.

В 90-е годы и государство российское утратило свою субъектность, превратившись в придаток бизнеса. С его вполне видимыми руками, то и дело копошащимися в закромах Родины. Если Путину не удастся отделить государство от бизнеса, обособить его от частных интересов – о спасении страны и говорить не приходится.

Теперь, наконец, главный вопрос. На кого может опереться национальный лидер при решении своих задач? Таких групп видится примерно пять.

1. Региональные элиты. Российский олигархический капитализм отбросил регионы на периферию политико-экономической жизни. Сформировавшись, ельцинская элита сдала лестницу вертикальной социальной мобильности на безответственное хранение в первый отдел РСПП. В итоге между олигархической столицей и субъектами Российской Федерации закрепился великий разрыв (почти по Фукуяме) – социальный, ценностный и ментальный.

Региональные элиты уже поняли, что «вертикаль власти» образца 2000 года была нужна в первую очередь олигархам, чтобы отстранить регионы от завершающей стадии раздела и дальнейшего передела крупной собственности. Унификация законов – лишь побочное следствие этого олигархического проекта.

Кроме того, региональные элиты объективно заинтересо-

ваны в культивировании своих территорий, в развитии регионов, каковое невозможно без сильной центральной власти и, соответственно, единого государства. Ибо ни экономически, ни политически российские регионы (покуда они, к счастью, не укрупнены) не могут претендовать на государственную самостоятельность. А вытеснение русских китайцами с фактическим расчленением страны регионалов никак не устраивает – тогда эти элиты будут повержены, сброшены с игорного стола новейшей русской истории.

Потому региональные элиты – строительный материал для новой элиты. И Кремлю следовало бы ныне больше думать об интеграции широких масс талантливых регионалов в федеральную власть, федеральную политику, медиа-среду.

2. Церковь. Иудеохристианская традиция – даже с поправкой на глубинное русское язычество – сильнее скороспелого культа Молоха. Этим почти все сказано. Страна нуждается в религиозном и церковном (институциональном) возрождении.

Православие в X веке помогло скандинавско-византийскому совместному предприятию стать целенаправленной Русью. В XVII веке – предотвратило польское завоевание (вспомним патриарха Гермогена). В XIX веке – объединило народ во время наполеоновского нашествия (К. Леонтьев писал, что именно французские бесчинства в православных храмах стали последней каплей, вовлекшей народ в войну, сделавшей войну Отечественной). Да и генералиссимус Ста-

лин не случайно возродил в разгар Великой Отечественной войны патриаршество и пошел навстречу Церкви.

Православная паства – сырье для новой элиты. Проекты по восстановлению единства Православной Церкви, сближению христианских конфессий, в которых Путин уже участвует, гораздо важнее, чем это может показаться на первый взгляд.

3. Интеллигенция. ЦК интеллигенции самоликвидировался. Но сама интеллигенция – не уничтожена. И все так же глядит окрест себя, поражаясь цинизму и безответственности олигархического капитализма. Миллионы провинциальных ученых, врачей, учителей, библиотекарей, актеров и т. д. – объективные противники логики и философии девяностых годов. Они, как никто другой, важны для вытеснения старой элиты и институтов религии золота.

4. Государевы люди. Во взаимоотношениях государства и человека в России во все времена присутствовала особая мистика. «Государев человек» – знак почета и сопричастности некоему таинству. В 90-е годы, когда государство обесценило себя, объявило самое себя явлением временным и уродливым, смысл «государевых людей» почти пропал. Бюрократия превратилась в придаток крупного бизнеса, весь смысл которого – юридически оформить некие процессы разложения и распада. Но потребность в таинстве у миллионов (гражданских и военных) никуда не пропала. Им кажется, что государство просто вышло покурить или, смертельно

усталое от русских веков, поехало отдохнуть к морю. И когда оно вернется и напомним о себе, когда «государевы люди» будут отделены от источников больших денег, опорой национального проекта станет еще один мощный социальный пласт.

5. Оппозиция. У правящей «Единой России» нет и быть не может базового электората, ибо тактический союз бизнеса и бюрократов во имя сохранения источников доходов есть все что угодно, только не партия. Да и в целом идея «президентской партии» упадочна и порочна. Ибо глава государства в России призван быть общенациональным, а значит, надпартийным лидером. «Единство» же охватило электоральное болото – огромный массив людей, реагирующих не на идеологии, но на условные знаки и символы, на ржавый скрежет истории. На болоте могут строиться стремительные PR-кампании и даже петровская столица, но никак не настоящие партии.

Как ни смешно, Путин нужен оппозиционным (считающимся ныне таковыми) партиям так же, как они ему. Потому что партии выхолощаются, превращаются в обманки. Им же надо быть – системными структурами, способными к самовоспроизводству. Партиям жизненно необходим переход от постмодернистской среды тотального манипулирования к реальной политической жизни, с мясом идеологии и кровью борьбы. Такое возможно только после отставки элиты девяностых.

Путин не может заставлять страну долго ждать. Доверие к Кремлю и так расшатано до предела, как кровоточащий недолеченный зуб. Время – и президенту придется это понять – жестко работает против него.

2003 г.

Горизонталь власти

Чего на самом деле стоит властная вертикаль, похожая на фаллические работы З. К. Церетели, мы знаем теперь со всей пугающей достоверностью.

Вертикаль, призванная контролировать все и вся, ни в какую не работает. Начиная с гаишников, пропускающих бандитов в Беслан за взятку, и кончая топ-бюрократами, панически жалующимися на плохого парня Евлоева прямо в ООН.

Она и не может работать. Потому что вертикаль власти тверда и устойчива тогда лишь, когда она:

- реализует известный всем, сформулированный в явном виде национальный проект, а не обслуживает самое себя;
- начинена идеологией; – состоит из людей, которым присуща идея служения, как бы пафосно это ни звучало.

В сегодняшней же вертикали уселись дорогие товарищи, которых интересует кормление, а не служение. Пришел на пару лет, украл все, что возможно и невозможно, отдал правильную долю вышестоящим – всю жизнь свободен.

Символ этой вертикали – Великий Гаишник (ВГ), так хорошо знакомый почти всей стране. Мягким воскресным утром или унылой будней ночью стоит этот ВГ в пустом городе и барственно собирает дань с никому не угрожающих водителей (а то и подвыпивших пешеходов). Зато днем, в

жуткой пробке, когда город балансирует на грани нервного срыва, ВГ отсутствует как класс. А зачем ему с пробками связываться? На них ни черта не заработаешь (то есть, не украдешь).

Вертикаль власти, состоящая из тысяч кормящихся, неизлечима. Ее нельзя реформировать. Вертикаль нужно бережно положить на землю, превратив в горизонталь. А потом – выстроить новую.

В наше время модно покупать государственные должности, как ценные бумаги, приносящие доход.

Пост министра, например, стоит порядка \$200 млн. А должность главы дочерней компании «Газпрома» – от \$5 млн. до \$50 млн. (в зависимости от масштабов грядущего бедствия).

Либеральные предприниматели, давно прошедшие стадию первоначального накопления капитала, стремятся купить пост-другой, чтобы на приобретенном активе как следует навариться. И всегда найдется вкрадчивый портфельный местоблюстителъ со знанием африканского языка, который готов пост продать.

Так вот. Я хотел бы, пользуясь случаем, обратиться к покупателям мест во властной вертикали.

Уважаемые покупатели! Страна не так хорошо себя чувствует, как вы (еще раз простите, что с маленькой буквы) думаете. Вам кажется, что заплатив \$200 млн., вы будете рулить поездами, пароходами и самолетами с драгоценными

грузами на борту? А ну как придется вам соскребать с рельсов жертв железнодорожных катастроф, нырять за сокровищами пароходов в ледяную воду или ковыряться в обломках взорванных самолетов? В общем, отправлять обязанности настоящей власти. Оно вам надо?

Поэтому трижды подумайте, чем тратить свои кровные на вертикаль. Не лучше ли купить еще пару замков на Луаре или пяток-другой «Майбахов»? Не правильнее ли вложиться в бразильских суперфорвардов и яхты пятого поколения? И уж точно полезнее пересидеть это дождливое время, когда взорваться может любая точка русского пространства, где-нибудь вдали от испуганной Родины.

Короче говоря: уважаемые покупатели, идите в задницу.

2004 г.

Специальная теория Путина

Гигант либерально-демократической мысли, отец всей и всяческой демократии, особа, приближенная к Всемирному Правительству, короче говоря, сам Збигнев Бжезинский опубликовал в Wall Street Journal программную статью «Московский Муссолини». В статье гигант на полном серьезе уподобил Владимира Путина Бенито Муссолини, а малахольный путинский режим – итальянскому фашистско-корпоративному государству 1920 – 1930-х годов прошлого века.

По мнению т. Бжезинского, российская элита тоскует по великодержавному имперскому статусу России, воспринимает независимость Украины и Грузии как оскорбление, а сопротивление чеченцев (надо понимать, сугубо мирных гуманитарно-либеральных чеченцев, каковые мухи не обидят – С. Б.) русскому господству – как террористическое преступление. «Дуче добился того, чтобы поезда ходили по расписанию. Фашистский режим пробуждал чувство национального величия, дисциплину и превозносил мифы о якобы великом прошлом. Точно так же и Путин стремится сочетать традиции ЧК со сталинским стилем руководства страной военного времени, с претензиями русского православия на статус Третьего Рима и со славянофильскими мечтами о едином огромном славянском государстве, управляемом из

Кремля».

Вот так говорил Бжезинский. М-да. Я давно подозревал, что этот поваренный в холодных войнах гарвардский специалист ни черта не понимает в России. Но кто бы мог подумать, что настолько не понимает! С такими мощными стариками в роли идеологов-аналитиков непросто будет вашингтонскому обкому выстраивать восточную политику XXI века, ох как непросто.

Непонятно, где и при каких трагических обстоятельствах встречал отец всемирной демократии представителей нынешней российской элиты, тоскующих по имперскому статусу России. Как человек, всегда живущий в неподдельно ненавидимой Бжезинским стране, я могу утверждать, что сегодняшняя наша элита тоскует по миллиардам зеленоглазых долларов и сахарным пескам загадочных островов, а разговоры о нации и империи воспринимает как опасную попытку отнять у нее время или – того хуже! – развести на деньги. Ну да ладно, бог с ней, с элитой. В конце концов, рассуждения бодрого старца о православии и Третьем Риме находятся вполне на уровне студента второго курса кулинарного техникума – и только сладострастно бородатый русский либерал, готовый воздвигнуть себе мраморным кумиром любого всамделишного врага России, может относиться к бжезинской теософии всерьез.

Нельзя не отметить несколько вопиющих цивилизационно-культурных несуразностей «московского Муссолини». В

неофашистской стране, начертанной на карте экс-РСФСР тлеющим воображением старого технократа, поезда ходят по расписанию – совсем как при дуче. Уважаемый товарищ Бжезинский! Постарайтесь осмыслить простую вещь: если вы оказались в стране, где что-то ходит по расписанию, то эта страна – точно не Россия. Вас, наверное, просто обманули организаторы вашей пропагандистской поездки. Требуйте неустойки после отстоя пены!

Впрочем, не интеллектуально-научный уровень либерального мегакумира – предмет нашего исследования. А образ Владимира Путина, нынешнего президента России, которого все чаще сравнивают и с Муссолини, и с Франко, и даже с Наполеоном I Бонапартом.

Авторы таких метафор – или безнадёжные простаки, или беззастенчивые льстецы. Третьего, увы, не дано.

Муссолини, Франко, тем паче Наполеон Первый были людьми власти. И беззаветно любили они самое власть. Ту мистическую субстанцию, которая дает ее носителю истинное право вершить судьбы малых сих и потому делает властеносителя подобным Богу. Эта субстанция не хранится в сейфовых ячейках банков первой категории надёжности. Ее нельзя измерить на вес и растворить в воде. Запредельно сладостный вкус власти открывается немногим счастливчикам. А добывается этот вкус на баррикадах, в землянках, на раздраженных полях сражений.

Тот же Бенито Муссолини, настойчиво поминаемый Бже-

зинским в контексте Путина, в 1922 году пришел к власти, возглавив поход 26 тысяч яростных сограждан на Рим.

Можно ли представить себе Владимира Путина во главе многотысячного похода на Первопрестольную?

Вообразим ли Путин, сидящий с подствольным гранатометом в блиндаже перед решающим вооруженным броском в пекло борьбы за власть?

Наконец, смотрится ли Путин даже в умеренно интеллигентной роли лидера парламентской оппозиции?

Очевидный ответ на все три вопроса: нет.

Путин и Муссолини (а также Гитлер, Франко и далее до А. Г. Лукашенко) – всходы разных посевов. При Бенито Муссолини в Италии было очень много плохого. И мы все это знаем (спасибо не столько Бжезинскому, сколько советскому курсу всемирной истории). Мы знаем, кроме всего прочего, что погубил дуче и его режим альянс с Адольфом Гитлером.

Но было при Муссолини и кое-что не очень плохое.

С 1922 по 1938 год население Италии выросло на 15 %. За время правления Муссолини была практически полностью разгромлена мафия.

В 1929 году был подписан Латеранский конкордат, в результате чего католичество стало государственной религией Италии, а во всех школах страны было введено преподавание основ католицизма.

В 1932 году был учрежден Венецианский международный кинофестиваль. В 1934 и 1938 годах сборная Италии выиг-

рывала чемпионаты мира по футболу.

А вот так говорил Муссолини. Послушайте. «Человек – это индивид, связанный с нацией, с Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства. В этой жизни индивид путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществляет чисто духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность».

«Нация не есть раса или определенная географическая местность, но делящаяся в истории множество, объединенное одной идеей, каковая есть воля к существованию и господству, то есть самосознание и, как следствие, личность».

«Стремление к империи, то есть к национальному распространению, есть проявление жизни; обратное – «сидение дома» – признак упадка. Народы возвышающиеся и возрождающиеся – всегда империалисты; умирающие народы отказываются от всяких претензий».

Ну и при чем здесь, спрашивается, Владимир Путин?.. Если присмотреться, то нельзя не увидеть, что наш президент любит не власть, а атрибуты власти. Дворцы, самолеты, лимузины, яхты, почетные караулы, Charles Lafitte 1815 года издания, хрустящего вальдшнепа в соусе из белой калины, слова «Геркуланум» и «Корфу», тени Шредера и Берлуско-ни. И народные восторги, конечно. И вертикальное сияние

виртуального рейтинга, на протирание которого ежегодно списываются мегатонны сверхчистого кремлевского спирта.

Но власть как орудие мрачного демиурга, как поле, в котором вспыхивает разряд сияния, для Путина почти невыносима, словно состарившаяся опостылевшая любовница из нищих студенческих лет. Почти каждый, кто смотрит иногда общенациональное русское телевидение, научился видеть, что от бремени власти демократически избранный президент РФ становится буквально серо-зеленым. Как прибрежное море в пахучем районе индустриальной Одессы.

Еще раз попробуем представить себе Владимира Путина, выходящего к пятисоттысячной толпе и бросающего в нее: «Вы готовы умереть за меня и Россию?» А в ответ – колыхание восторга и неистовый рев.

Представили? Не выходит? То-то же. А вы говорите: Муссолини, Муссолини.

2004 г.

Апология Владимира Путина

На моего президента Владимира В. Путина обрушился шквал оскорблений и обвинений. В кампании по очернению всенародно избранного поучаствовали почти все ведущие СМИ мира, а сырьем для их грязных пасквилей служили заведомо ложные измышления русских либералов.

Как физическое (в какой-то исчезающей степени) лицо и гражданин (на 100 %) Российской Федерации, я не могу скрыть своего возмущения. Кто-то должен в эту историческую секунду защитить лысоватого одинокого Путина – и если не я, то кто же?

Давайте взглянем в эту фантастическую грязь: в чем патентованный либерал привык обвинять сутулого, посеревшего от властного бремени Хозяина Земли Русской (ХЗР)?

Обвинение первое. Путин – закоренелый чекист, и устанавливает он в России не что иное, как чекистскую диктатуру. Задача же чекистской диктатуры есть восстановление СССР.

Тот, кто утверждает нечто подобное, на мой сокровенный взгляд, начисто лишен:

- а) доступа к правильной информации;
- б) способности анализировать даже ту полуправильную информацию, которая у него есть.

В действительности же все обстоит немного (точнее – со-

всем) не так.

В системе КГБ СССР Владимир В. Путин был аутсайдером, если не сказать – классическим неудачником. В 1990 году за плохую вербовочную работу его отозвали из Дрезденского дома культуры и поставили на неприлично низкую должность помощника проректора Ленинградского госуниверситета по международным связям. Система отторгла своего нерадивого воспитанника. Чекистская карьера будущего ХЗР стремительным домкратом шла под откос. Спас же Владимира Владимировича человек, который (что бы там ни говорили злые языки про всякие подписки и расписки) выступал в роли главного врага КГБ, – Анатолий Собчак, самый демократный демократ. Путин как политико-экономическая личность сформировался именно в честной и либеральной, как питерское болото, команде Собчака. Где ему приходилось отвечать, помимо всего прочего, за деликатные контакты с организованными финансово-торговыми группировками, контролировавшими в то расцветное время почти всю экономику Петербурга. Оттуда, из собачьей толщи «криминальной столицы», – все основополагающие воззрения и представления Путина о предмете, имя которому – власть. А власть, сообразно этим представлениям, бывает только у того, у кого есть две самоценные вещи: а) деньги; б) автомат имени Калашникова.

Привычное рассуждение о том, что при Путине бывшие сотрудники Системы проникли на тысячи тысяч властных

и окол властных позиций, есть результат недобросовестной интерпретации простых статистических данных.

Да, абсолютное число экс-комитетчиков на чиновных позициях день ото дня растет. Но эта страшная для либерального ума тенденция сложилась вовсе не в первом десятилетии XXI века, а значительно раньше – в благословенные времена Бориса Ельцина. Еще в начале 1990-х годов, когда казавшийся вечным КГБ СССР нечаянно развалился, многие чекисты оказались востребованы вне Системы, поскольку представляли собою квалифицированную, умеющую хранить секреты и сравнительно недорогую (потому что не избалованную шальным баблом) рабочую силу. По мере деградации постсоветских органов ГБ оставшиеся в живых специалисты постепенно покидали Лубянку – и оказывались на гражданских должностях, причем не только в государственных, но и в самых что ни на есть коммерческих структурах.

Но при этом на ключевых постах, счастливые обладатели которых причастны к стратегическим решениям, чекистов как не было, так и нет.

Но главное, конечно, не в формальных особенностях происхождения новейших русских вождей. Суть – в идеологии. Классический чекист всегда мечтал о великой Империи от южных гор до северных морей и гордился тем, что именно он оберегает это невиданное в истории Нечто (правда, события августа 1991 года показали, что не так уж страшен был КГБ, как он сам про себя думал, но речь сейчас не об этом).

А современный кремлевский чиновник думает только о том, сколько накапало на его персональных пенсионных счетах всемирного значения в банках первой категории сложности. Ну, еще, конечно, – о яхтах, «мерседесах», разновидностях горных лыж и о том, стоит ли купить 16-летней любовнице домик в Барвихе, чтоб далеко не ездить, или пока что рановато. Нет, совсем не кагэбэшное мышление получается.

Правящий клан рассуждает так, как рассуждал какой-нибудь маститый вор, державший в трепете сумбурный Питер 15–10 лет назад.

А именно:

– страна нужна и полезна нам как источник доходов, и только для этого (для проедания и завещания доходов существуют другие страны, белые и нежные, как пятизвездное пляжное полотенце);

– все центры прибыли надо брать под контроль; – прибыль надо как можно быстрее выводить отсюда подальше, пока ее кто-нибудь не нашел и не откусил;

– все центры убытков надо ликвидировать – или загружать ими лохов;

– более слабых надо уничтожать, с более сильными – дружить, чтобы тебя не съели.

Вот отсюда – и «дело ЮКОСа», и монетизация льгот, и реформа ЖКХ, и миролюбивая внешняя политика. Отсюда – и сверхизящное поведение на Украине, где Кремль добивался вовсе не восстановления СССР, а уважения к собственным

натужно растопыренным пальцам.

Так что если вдруг в полночь на Красной площади вы услышали неведомый и тяжелый деревянный скрип, знайте: это столп советского гэбизма Юрий Владимирович Андропов ворочается в своем черством номенклатурном гробу.

Обвинение второе. Путин – антилиберал, враг ценностей 1990-х годов.

Пусть вырвут лгуну его гнусный язык. Нынешний ХЗР – самый настоящий либерал в неподдельно гайдаровском понимании этого слова.

При Путине приватизация зашла так далеко, как в начале девяностых никакой Чубайс и предположить не мог. Продано все (тут положено сказать: кроме совести, но язык не поворачивается; совесть ведь тоже была в программе разгосударствления-расчеловечивания экономики). И не только природные богатства стали частными. Вот-вот все научно-исследовательские институты, театры и музеи предстанут обычными объектами недвижимости, пригодными для размещения бизнес-центров категории Б. И любой либеральный экономист (тот самый, который привык рассуждать про тоталитаризм по-путински), конечно, скажет: так и надо поступать, на кой этой безграмотной стране столько ученых, актеров и режиссеров, несерьезно это все как-то, и кто не может прокормить себя по-рыночному, с цыганами и черной икрой, – тот пусть отправляется во влажную и темную задницу новейшей истории.

«Дело ЮКОСа»? Полноте, никакой национализацией там и не пахнет. Просто одни пацаны отобрали у других, воспользовавшись рыночной неадекватностью последних. «Роснефть» же – просто перевалочная база, сортировочная станция, которая и не потребовалась бы, если б не всемирный вопль про неприличное ничтожество тверской конторы «Байкалфинансгроб». Ведь мудрый Греф изрек: и «Роснефть» будем приватизировать, и «Газпром». И кому отдадим, тоже боль-мень известно. А что, разве в ревушие девяностые было не так? И «Сиданко» отбирали, и алюминиевые заводы, а про всякие там страховые компании и банки уж и говорить не приходится. Так что YUKOS affair – логичное продолжение наших девяностых с их неизбывным диким либерализмом, где, как завещал великий Егор Тимурович Г., кто сильнее – тот и прав. И никаких гвоздей.

Говорят еще, Путин попрали свободу слова. Которая совсем недавно цвела пышным лунно-пионовым цветом.

Мы с Путиным так не считаем. С 1994 по 2001 год за свободу слова в РФ отвечали Березовский и Гусинский. Они объяснили стране, что «собственность» и «свобода» – синонимы. У кого собственность на СМИ – тот и имеет право на точку зрения. И никакое слово за пределами интересов собственника не существует, не живет, не дышит и уж точно никого не волнует.

Именно это утверждает сегодня и Владимир Владимирович. Нет никакой свободы слова как самостоятельной сущ-

ности, говорит он. А есть медиа-брехня как способ обслуживания частных интересов. Поэтому если сегодня я работаю Березовским и Гусинским (одновременно), то я и определяю, где, когда, кому и зачем говорить. Придут за нами другие – будут определять они.

Да, Путин кое-где у нас порой довел линию 1990-х годов до абсурда. Но именно эту самую линию – никакой другой он вязкими пальцами на русском песке не чертил.

А пресловутая монетизация льгот? Не мечту ли Гайдара воплотил заскоружный наш ХЗР?

Ее, ее, болезнь. И не случайно русский либерал, столь раздраженный всем путинским, во дни народных выступлений против монетизации возопил: сплотимся вокруг тела Кудрина – Грефа (мертвенно-бледное слово «Путин» произносить боялись, чтобы на Западе не подставиться), а быдло – в стойло!

Ибо имеющий компетентные органы чувств да чувствует компетентно: Путин и Гайдар (оно же – Чубайс) – суть одно.

И замена фирменного рыжего причмокивания на феррохромный голливудский взгляд нимало не искажает хрустальную в первозданности своей суть дела.

Обвинение третье. Путин – враг Запада, тоскливо-сумрачный апологет азиатчины, и заграница ему вот-вот покажет, где зимуют омары (они же, кажется, лобстеры).

Долго рассуждать тут нечего. Пора признаться: Путин вполне устраивает Запад вообще и Соединенные Штаты в

особенности.

Да, на словах ХЗР позволяет иногда просто бешеные антизападные вольности. Например, про то, что всеобщие, как солнечный свет, выборы в Афганистане и Ираке – фуфло несусветное, а никакое не торжество демократии. (И в эти минуты с президентом РФ хочется истово согласиться.)

И еще любит наш Верховный Главнокомандующий, заводя литаврами машинерию skulls, говорить что-то про возрождение армии и новейшее сверхоружие, которым страна с ее миллионом голодных, оборванных, изверившихся вояк будет грозить всему нецивилизованному миру. Слышали мы и про то, что нельзя быть слабыми, потому что слабых бьют, и мн. др.

Но в священных чертогах вашингтонских Белых Домов сидят не такие простецы, как наши русские либералы с патриотами. Там заседают люди, умеющие отличать пустопорожнюю PR-риторику от подлинной сути дела. А суть дела такова: все, что в реальной действительности творит Путин во внутренней и внешней политике, очень даже отвечает интересам США.

Именно Путин взял твердый курс на превращение России в провинциальное государство-нацию, похоронив имперские экспансионистские устремления (империалистом может считать ХЗРа лишь тот, кто никогда не интересовался истинным смыслом слова «империя»).

Это Путин сделал так, что источником легитимности для

постсоветских режимов стал Вашингтон. Даже при Ельцине таким источником была Москва: ни один лидер в бывшем СССР не мог чувствовать себя в безопасности, если он – подобно Звиаду Гамсахурдиа или Абульфазу Эльчибею – нарочито поворачивался к Кремлю неширокой потной спиной.

Сейчас позиция Кремля уже никого, по большому счету, не интересует. Даже базарных коммунистов бедной Молдавии.

Ввязавшись в дружескую войнушку с каким-то там мировым терроризмом (который терроризирует почему-то тогда и только тогда, когда это нужно Вашингтону, а в паузах живет строго по заветам неуловимого ковбоя Джо), Путин разрешил американцам устроить военные базы прямо в СНГ. И ничего не попросил взамен. Ну не душка, а?

В СНГ Путин вообще усиленно действовал по принципу «бей своих» (чтоб чужие не боялись – теперь поговорка звучит и выглядит так). Грубее и жестче всего он обошелся с белорусским лидером Александром Лукашенко, который в девственной мечтательной простоте хотел сделать Беларусь «младшей Россией». И конечно, гуманитарно-животворящий Запад аплодировал тому, как Москва топчет своего главного постсоветского союзника.

В 2001 году Путин, не поморщившись, закрыл военную базу в Камрани и радиоэлектронный центр в Лурдесе, обесмыслив существование постсоветского военно-морского флота. У страны, где более 50 человек зарабатывают

порядка 1 млрд. долларов в год, не нашлось 150 млн. долларов в год для поддержания своих стратегических объектов.

В 2002 году ХЗР подписал судьбоносный договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Россия отказалась от межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования (которые, в отличие от рублево-успенских унитазов из чистого золота, нашей стране, разумеется, на фиг не нужны). А в Братиславе признал, что американцы, как люди аккуратные и внимательные, должны быть допущены к контролю над нашим ядерным потенциалом – дабы вечно пьяный ракетчик Пахомыч его за ящик иранской водки кому-нибудь не впарил.

Но более всего Путин преуспел в демонстрации своего русского бескорыстия. С фантастической скоростью нынешняя Россия отдаёт свои долги и списывает чужие.

На 93 % одним махом Путин согласился уменьшить долг Ирака – с 10,5 млрд. до 0,9 млрд. долларов. Страна наша, у которой уже почти нет армии, где разлагаются на корню фундаментальная наука и система образования, настолько не знает, куда девать деньги, что приняла программу досрочного погашения внешнего долга за счет средств неприкосновенного стабфонда. Зачем, понятно: ведь через несколько лет теперешние распорядители стабфонда поселятся в Баден-Бадене (варианты: Сен-Тропез, Сотогранде, Коста-Смеральда), и они хотят честно и прямо смотреть в глаза западным кредиторам: отдали, все отдали, ничего этой мерзопа-

костной России не оставили.

И даже аналогия со сверхуспешным долгоотдавателем Чаушеску никого из них не смущает.

Владимир Путин возглавляет когорту начальников, которые связывают свое личное и семейное будущее с уютным, как придорожное кафе, марципановым Западом и только с ним. Уже поэтому ХЗР действует и будет действовать строго в русле пожеланий Сверхдержавы. И в силу этого он Сверхдержаве понятен, удобен и выгоден.

И если в России случится какая-нибудь заваруха и трон Великого Монетизатора покачнется, то Мировой Гегемон как пить дать придет Путину на помощь. Пусть те, кто за чем-то по глупости ненавидит Путина, не ждут от Запада внушительной помощи.

Собственно, когда Д. У. Буш говорил в Братиславе, что у Путина «да» всегда означает «да», а «нет» – «нет», он имел в виду примерно следующее: ХЗР всегда стратегически со всем согласен, и у русского правителя, как у соблазняемой женщины, «нет» – это «не нет», а «да, но позже». Мы, конечно, пошантажируем Америку Ираном, но потом – через годик-полтора – Иран этот сдадим и снова упадем в шелковые звездно-полосатые объятия. Мы всегда так делаем. И за эту полную до примитивности предсказуемость нас и ценят.

Да разве можно не любить такого президента? Либерала, рыночника, реформатора, западника?!

А что он некоторых профессиональных либералов от-

толкнул от кремлевской кормушки – так то его право. В конце концов, еще в те самые 1990-е годы олигарх Абрамович разъяснил обалдевшей от такой искренности мировой общественности смысл проекта «Ельцинский преемник»: «Мы вовремя подсуетились и взяли под контроль эту страну, и что – мы теперь должны ее кому-то просто так подарить?!»

Надо, кстати, отдать В. В. должное: все интересы ельцинского семейства он соблюдает неукоснительно. Футбольно-металлическое состояние Абрамовича выросло ровно в 5 раз (с 2 млрд. до 10 млрд. долларов). А про какого-нибудь Ходорковского – так никто ничего никому и не гарантировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.